УДК 808.3-15:800.23 (47+57-25)

ПОВЕРИМ РИФМОЙ ОРФОЭПИЮ (К ВОПРОСУ О СТАРОМОСКОВСКОМ ИСТОКЕ НЕКОТОРЫХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НОРМ)

Бровко А.С., к. филол. н., доцент

Запорожский государственный университет

На материале рифмующихся поэтических строк и суждений ряда историков языка автор статьи пытается углубить и расширить устоявшийся тезис проф. Р.И.Аванесова о якобы только старомосковском источнике происхождения двух произносительных вариантов, альтернативных общепринятым ныне правилам русской орфоэпии.

Ключевые слова: рифма, орфоэпия, произносительные варианты.

Бровко А.С. ПЕРЕВІРИМО РИМОЮ ОРФОЕПІЮ (ДО ПИТАННЯ ПРО СТАРОМОСКОВСЬКЕ ДЖЕРЕЛО ДЕЯКИХ ВИМОВНИХ НОРМ)/ Запорізький державний університет, Україна.

На матеріалі поетичних рядків, що римуються, та міркувань ряду істориків мови автор статті намагається поглибити й розширити сталу тезу проф. Р.І.Аванесова про нібито тільки старомосковське походження двох вимовних варіантів, альтернативних загальноприйнятим нині правилам російської орфоепії.

Ключові слова: рима, орфоепія, вимовні норми.

Brovko A.S. CHECK ORTHOEPY BY A RHYME (ON THE MATTER OF AN OLD-MOSCOW SOURCE OF SOME PRONOUNCING NORMS)/ Zaporozhye State University, Ukraine.

On material of rhyming poetic lines and statements of a number of the language historians the author tries to deepen and to extend a stable thesis of professor R.I.Avanesov on ostensibly only old-Moscow root of origin of two pronouncing variants, alternative to generally used now rules of Russian orthoepy.

Key words: a rhyme, orthoepy, pronouncing norms.

Орфоэпия современного русского языка располагает сегодня весьма солидной теоретической и практической базой, включая четко сформулированные правила произношения, словари-справочники, всем доступную возможность регулировать каждому собственное произношение и ударение, вслушиваясь в речь владеющих литературной нормой говорящих, дикторов радио и телевидения в первую очередь, которым самой штатной обязанностью не полагается допускать речевые погрешности.

Настоящему и будущему словеснику-профессионалу этого, конечно, мало. Ему нужны еще и достаточно обоснованные сведения об историческом прошлом русской орфоэпии, чему, к сожалению, из-за отсутствия в те времена фонотехнических (первый фонограф появился лишь в 1877 году) и вспомогательных письменных (как, например, фонетическая транскрипция) средств не дано было донести до нас произносительные особенности предшествующих поколений более точным способом, нежели только буквенным. А буквы, графика с орфографией в любом языке, не исключая русского, имеют свойство хронически отставать от орфоэпии, и чем дольший путь они проходят, тем заметнее становится их принципиальное расхождение. Так, подсчитано, что в английском этот разрыв уже превзошел полтысячи лет, и сами носители языка пошучивают, будто написанное "Ливерпул" произносится у них - "Манчестер". Ничуть не легче и французам, если, например, популярнейшие в мире собственные имена Кусто и Рено пишутся по французски (прочитайте их по-латыни) - Cousteau и Renault.

Статистикой временно́го расхождения устной и письменной форм русской речи мы не располагаем, но оно есть и уже немалое, поэтому говорить о нем в университетской аудитории приходится. Неминуем тут же и вопрос о так называемых "старомосковских" произносительных вариантах, особенно двух: 1) окончании **-ий** прилагательных и фамилий с предшествующими заднеязычными согласными и 2) переднеязычной зубной фонеме в составе постфикса **-ся(сь).** В силу реальной речевой обстановки студенты не воспринимают их иначе как только на веру, а в распоряжении преподавателя едва ли не единственное, правда, общепризнанное и наиболее содержательное, учебное пособие Р.И. Аванесова "Русское литературное произношение" да еще невероятными судьбами сохранившееся в грамзаписи артикулирование таких великих мастеров речевого искусства, как В.И. Качалов, И.М. Москвин, А.Н. Грибов, М.М. Яншин, А.А. Яблочкина, В.Н. Рыжова, Н.И. Рыжов, свято сберегших старомосковские произносительные традиции.

Возникают в аудитории вопросы и посложнее, например, как повлияло на старомосковское произношение продолжительное (в две сотни лет) местонахождение российской столицы в Петербурге, было ли московское произношение массовым и в какой мере и вообще существовала ли в царской России при почти поголовной безграмотности простого люда и отсутствии вплоть до начала XX столетия общепринятой орфографии хоть какая-нибудь нормативность устной речи.

Умалчивать ответы на поставленные вопросы не принято в университетах даже тогда, когда их нет в учебных пособиях. А если и есть, то где (в данном случае) взять, например, книгу М.В. Панова "История русского литературного произношения XVIII-XX вв." (М., 1990), коль уже десяток лет не поступает в Украину литература по русскому языку из международного научно-методического центра русистики - Москвы. Не будем забывать и о деликатной стороне дела - никогда не стихающем чувстве удовлетворенности-неудовлетворенности преподавателя проведенным занятием и естественно следующими затем раздумьями с нередким неудовольствием собой. Так что ответ на любой вопрос читаемой дисциплины, в том числе каверзный, преподаватель вуза обязан предположительно заготовить, если не по источнику, то путем собственных размышлений и домыслов, которые, кстати, бывает, как раз и способны заронить в сознании студента интерес к научным исследованиям.

Теперь непосредственно о двух вышеупомянутых старомосковских вариантах произношения: 1) окончания **-ий** прилагательных и фамилий на **-кий** в им. и вин. падежах ед. ч. муж. рода с предшествующими заднеязычными задненебными согласными фонемами <г`> <к`> <х`>; например, в таких словах, как *строгий, тонкий, тихий, Одоевский* и 2) переднеязычной зубной фонемы <с`> в составе исторически восходящего к возвратной частице постфикса **-ся(сь);** например, в словах *боюсь, берусь, взялась, взялся.*

За каждым из этих двух случаев закрепилось двоякое произношение: 1-а) ныне под влиянием письма господствующим стало в речи мягкое звучание заднеязычных согласных: [строг`ий], [тонки`j] [т`их`ий] [адоjьфск`ий]; 1-б) от старомосковской нормы сохранилось твердое произношение заднеязычных и соответственно такое звучание окончания, как если бы оно, по замечанию Р.И. Аванесова, писалось не **-ий**, а **-ой** [1, 154-155]: [строгъj], [тонкъj], [т`ихъj], [адоjьфскъj]; 2-а) сегодня в русской литературной речи, также не без влияния письма, значительно преобладает мягкое произношение зубной <с`> в составе постфикса: [баjус`], [б`ирус`], [вз`илас`], [вз`алс`ъ]; 2-б) сторонники старомосковской нормы отдают предпочтение твердому ее звучанию: [баjус], [б`ирус], [вз`илас], [вз`алсъ] - [1, 162-163].

Поскольку эта раскладка вариантов двоякого произношения наблюдается в современной русской речи и мы сами являемся ее активными участниками, никакого сомнения в очевидном приоритете варианта, склоняющегося к письму, не возникает. Но кто или что в состоянии подсказать нам, каким это соотношение было, например, в XIX столетии? В годы, скажем, А.С. Пушкина или, попозже, - Н.А. Некрасова?.. Конечно же, только они сами, и никто, кроме них. Своим творчеством, как поэты.

И действительно, во всякие времена, все без исключения, они стремились в стихосложении к поискам точной рифмы, к подбору наиболее близких по звучанию концовок поэтических строк, и эти рифмующиеся окончания способны теперь послужить нам добрым наглядным пособием и, таким образом, неплохим ключом к относительно аргументированному ответу на беспокоящий вопрос. В качестве иллюстраций привлечем стихотворные строки А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, для сравнения - ряд примеров советских поэтов. Ради экономии объема иллюстративного материала будем допускать (разумеется, не в ущерб смыслу) купюры, сосредоточивая внимание читателя на самом главном (в данном случае) - на рифмующихся строках с окончаниями. Более того, ради той же цели сократим до начальной буквы фамилии вышепоименованных поэтов (соответственно - П., Л., Н.) и не станем называть произведений, строки из которых приводятся, поскольку в данном случае это не имеет никакого значения. И последнее замечание: цитаты подаются не в транскрипции, коей тогда в применении к русскому языку не было, а в той графико-орфографической системе, в которой были исполнены авторами и напечатаны, естественно, с учетом ныне действующего алфавита и правил русской орфографии.

ПРИМЕРЫ С ОКОНЧАНИЯМИ -ГИЙ, -КИЙ, -ХИЙ

Здесь наблюдается у поэтов троякий подход:

а) написание в рифмующихся словах однозвучных окончаний **-ой** как в косвенных, так и в им. и вин. падежах ед. ч. муж. рода прилагательных и однотипных по образованию фамилий. Такое написание выглядит категоричным, как будто настаивающим на единственно допустимом, старомосковском, звучании концовок строк;

б) написание различных окончаний у тех же надежных форм - **-ий** и **-ой**, что воспринимается менее категоричным, хотя и такое написание самой тенденцией точной рифмы недвусмысленно подсказывает старомосковское произношение;

в) написание в им. и вин. пад. ед. ч. муж. рода обоих рифмующихся слов окончания **-ий**.

Приведем их все три.

а) Под бурями судьбы жестокой...
Живу печальный, одинокой... (П.)
Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: "Спи, друг одинокой!"
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обагришь... (П.)
Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой! (П.)
Но правдой он привлек сердца,
Но нравы укротил наукой.
И был от буйного стрельца
Пред ним отличен Долгорукой. (П.)
На море жизненном, где бури так жестоко
Преследуют во мгле мой парус одинокой…(П.)
Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус... (П.)
Царь ступил на двор широкой:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет... (П.)
Белеет парус одинокой...
Что ищет он в стране далекой?.. (Л.)
Почтим приветом остров одинокой,
Где часто, в думу погружен,
На берегу о Франции далекой
Воспоминал Наполеон! (Л.)
Луна катится в зимних облаках,
Как щит варяжский или сыр голландской.
Сравненье дерзко, но люблю я страх
Все дерзости по вольности дворянской. (Л.)
Дайте мне дворец высокой
И кругом зеленый сад,
Чтоб в тени его широкой
Зрел янтарный виноград... (Л.)
Но кто убийца их жестокой?..
Не видя девы черноокой,
Сокрылся он... (Л.)
Там возносился дуб высокой,
Священный древностью глубокой. (Л.)
Горяч и статен конь твой вороной!
Как красный угль его сверкает око!
Нога стройна, косматый хвост трубой;
И лоснится хребет его высокой... (Л.)
И молча на коня вскочил Селим,
... привстал немного
На стременах… затрепетал под ним
И захрапел товарищ быстроногой. (Л.)
Все люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенской...
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана... (Н.)
Генеральный бой дворянской
Проиграв, они нашлись...
И войною партизанской
На досуге занялись. (Н.)

б) Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокий

Во тьме глубокой
Я пробужден (П.)
Лишь ступил на двор широкий -
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех. (П.)
Месяц, месяц, мой дружок,...
Ты встаешь во тьме глубокой,
Круглолицый, светлоокий... (П.)
Попроси ты от меня
Хоть казну, хоть чин боярский,
Хоть коня с конюшни царской. (П.)
Нам был обещан бой жестокий.
Из гор Ичкерии далекой
Уже в Чечню на братний зов
Толпы стекались удальцов. (Л.)
Пришел городовой, подпаска подозвал,
По пунктам отобрал допрос отменно строгий,
И вора повели торжественно в квартал.
Я крикнул кучеру: "Пошел своей дорогой!.." (Н.)
За нагруженной снопами телегой
Чинно идет жеребеночек пегий... (Н.)
Его отец был лекарь жалкий,
Он только пить любил, да палкой
К ученью сына поощрял. (Н.)
Вся очарована, украдкой
Заучивает гимн пленительный и сладкий... (Н.)
Кто ты, путник одинокий,
Едешь близко иль далеко? (Н.)
Так ставит с вечера капкан
Охотник на добычу падкий.
Вот солнце глянуло украдкой,
Но одолел его туман. (Н.)
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей
И едет по тропинке узкой
Под самый мост... (Н.)
Не жалок ей нищий убогий -
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать. (Н.)
Постоишь, удалишься украдкой
И начнешь сатирический стих
В комплимент перелаживать сладкий... (Н.)
А теперь элемент старобарский
Вытесняется быстро: в швейцарской
Уж лакеи не спят по стенам. (Н.)
Знаменит этот юноша русский:
Отчеканено имя его
На подарках всей труппы французской! (Н.)
Прежде - праздник деревенский,
Нынче - осень холодна;
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина. (Н.)
... если где растет негодная трава,
Там есть и добрая: вот, например, Жуковский, -
Хоть в Петербурге жил, но был с душой московской. (Н.)
Рост высокий, стан не гибкий,
А лицо... странней всего,
Как не высекли ошибкой
По лицу его! (Н.)
В два - за завтраком с кокоткой...
С трех - на бирже... День короткий -

Пообедать недосуг! (Н.)
Право, здесь разговор богомерзкий
Невозможен... уйди, старый волк!
Нет, дождешься ты выходки дерзкой
И исполнишь священный свой долг. (Н.)
Как далеки мы от земли Московской,
От нашей русской, северной земли.
Вот зданье, где учился Маяковский. (В. Инбер)
Мы летим в ковровых санках...
Ускакали с черноокой
И одни... Чего ж еще?
Светит месяц одинокий
Через левое плечо. (Д. Кедрин)
Нет, товарищ, не забудь
На войне жестокой:
У войны короткий путь,
У любви - далекий. (А. Твардовский)

в) "Узнай, народ российский,
Что значит целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир..." (П.)
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы все - на вес
Кумир ты ценишь - Бельведерский. (П.)
Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
За ними чернозем, равнины скат отлогий... (П.)
Вдруг оживился круг дворянский;...
Пришло известье: полк уланский
В Тамбове будет зимовать. (Л.)
Таков обычай деревенский!
Помучить - способ самый женский. (Л.)
И так как господин Бобковский
Великим делом занят сам,
То здесь блестящий круг тамбовский
Позвольте мне представить вам. (Л.)
Где Геллеспонт седой, широкий,
Плеская волнами шумит,
Покрытый лесом, одинокий,
Афос задумчивый стоит. (Л.)
Так говорил мулла жестокий,
И кабардинец черноокий
Безмолвно, чистя свой кинжал,
Уроку мщения внимал. (Л.)
"Я!" - молвил витязь черноокий,
Схватившись за кинжал широкий... (Л.)
"О боже, о творец великий!
Она!.." И помутился взор,
И горьких жалоб ропот дикий
Несвязный выразил укор. (Н.)
Здесь, как в клетке, заперта я,
Сон кругом глубокий,
Отпусти меня, родная,
На простор широкий... (Н.)
Будет всё, мой мальчик маленький,
Будет даже детский бал.
Знаешь: повар в старом валенке
Утром мышку увидал. (В. Инбер)
С Москвою расставались мы по-братски,
Но страсть растет в разлуке. И, как Чацкий,
Я ей шепчу влюбленные слова... (В. Инбер)
Шофер поет. Мы песню "Сулико",

Спресованную в граммофонном диске,
Возьмем с собой, хоть это путь не близкий,
Но песням не бывает далеко. (В. Инбер)
Умолкли пушки. Тьма и тишина.
За дверью лес настороженный, строгий.
Спят юноши... Пусть крик ночной тревоги
Не прозвучит и не нарушит сна. (А. Сурков)
Хрустит снежок морозный, жесткий,
Взбегают сосны на бугор.
Сквозь лес, минуя перекрестки,
На запад держит путь дозор. (А. Сурков)
И ночь прошла у них. И вдруг
Сквозь кромку сна на зорьке
Сквозь запах сена в душу звук
Вошел ей давний, горький... (А. Твардовский)

Приведенные примеры, подсчет иллюстраций в каждом из подходов (**а**) - 17, **б**) - 21, **в**) - 11) свидетельствуют о том, что в XIX столетии в художественной литературе, в частности поэзии, в определенной мере отражающих функциональное состояние общенародной русской речи, старомосковский вариант произношения рассматриваемых флексий в позиции после заднеязычных **г, к, х** действительно фигурировал, но не был единственным, а имел параллельное хождение с вариантом **-ий**.

Трудно, конечно, судить ныне, как воспринималась разноликой, широкой массой русскоговорящего люда России той поры окончание **-ой**, но совершенно очевидно, что в стихах, сегодня, оно выглядит неестественным, словно приспособленным к рифме, да еще неприемлемым с точки зрения грамматики. Не случайно именно в этой группе **а**) не оказалось примеров советских авторов: их просто нет. В то же время, набирая популярность, расширилась и постепенно вовсе вытеснила старомосковский вариант из поэтической речи (и не только из нее) ориентированная на письмо, однако не навязчивая, лояльная, корректная, сама по себе не исключающая произносительного варьирования при чтении поэзии вслух, к тому же, не противоречащая современной грамматике с орфографией словоформа на **-ий**.

Еще более далекими, чуждыми кажутся нынешней общенародной разговорной речи примеры на **-ой**, не связанные с рифмой, а встречающиеся в середине стихотворных строк; именно у Лермонтова - коренного москвича:

Где конь арабской вороной
Играл скачками подо мной,...
Уже терялся брег далекой... (Корсар)
Там Цареградской путь идет
Чрез поле черной полосою... (Там же)
Гирей приближился - веревкой
Был связан русской, чуть живой. (Кавказский пленник)
"Ах, русской! русской! что с тобою!..
Готова я часы досуга
С тобой делить". (Там же)
"Так, русской, ты спасен! но прежде
Скажи мне: жить иль умереть?!!" (Там же)
- Она на каменной скале:
"О, русской! русской!!!" - восклицает... (Там же)

Выходит, употребление в литературных текстах старомосковского окончания служило не только точной рифме. Чему же тогда могло оно послужить в середине стиховторных строк? Разве что преднамеренному акцентированию автора на этой норме? Но решительно всё, что есть в тексте произведения, обязано иметь содержательно ли, художественно ли оправданную цель? Предположим, что поэт, вкладывая в уста черкешенки словоформу-обращение "русской", хотел изобразить щегольство героини знанием тонкостей родной речи полюбившегося ей русского пленника. Но тут же возникает сомнение, когда и где успела она приобрести навык не свойственного ее роду-племени произношения. Да и не подходящ, неестественен для демонстрации указанной орфоэпической тонкости едва ли не самый трагический во всем произведении эпизод - крайне рискованного последствиями их бегства: его (благодаря ее помощи) - из плена, ее - с ним, чтобы разделить обоюдную дальнейшую судьбу. Тонкий психолог, великолепнейший художник-стилист, Лермонтов, конечно же, не мог допустить подобного ляпсуса, которого здесь и нет. Всё дело в другом - Лермонтова не интересовал филологический аспект объективно сложившихся в языке представленных выше произносительных вариантов и потому существенной разницы в их употреблении в своих литературных текстах он просто не видел, как не видели и другие цитированные поэты XIX столетия. Лишний раз утвердиться в правильности вывода поможет

следующий пример того же автора, передающий аналогичную речевую обстановку, с тем же словом-обращением и употребленным тоже нерусской, в данном случае литвинкой-пленницей, но уже в другой вариантной форме:

"Нет! русский, я не верую любви! -
Без милой воли, что дары твои?" (Литвинка)

Пристальное всматривание в рифмованные концовки стихотворных строк Пушкина-Лермонтова-Некрасова заставили попутно задуматься над вопросом, не коснулся ли старомосковский произносительный вариант подобного же структурно-грамматического типа словоформ, но с иными предшествующими окончаниям согласными.

Снова обратимся к стихам. Расположим их в алфавитном порядке предфлексийных согласных. Условные обозначения авторов оставим прежними.

- б -

Люблю его характер слабый,
Когда, повесив длинный нос,
Причудливой, капризной бабой
Бранит холеру и понос. (Н.)

- в -

Как рано зависти привлек я взор кровавый...
Нет, нет, ни счастием, ни славой... (П.)
Презренный, мрачный и кровавый,
Над трупом вольности безглавой
Палач уродливый возник. (П.)
Ты прошумел грозой и славой -
И бурны тучи разогнал,
И дуб низвергнул величавый. (П.)
И вырвал грешный мой язык,
И празднословый и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой. (П.)
Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый,
Пружины смелые гражданственности новой. (П.)
Что ты ржешь, мой конь ретивый, ...
Не потряхиваешь гривой... (П.)
Озарен ли честью новой
Русский штык иль русский флаг?
Побежден ли швед суровый?... (П.)
И, услыхав ответ красноречивый,
Захлопнув дверь, бранится неучтиво... (Л.)
Оставь меня, о дух лукавый!...
... гибельной отравой
Мой ум слабеющий объят! (Л.)
... Полон жизни новой,
С моей преступной головы
Я гордо снял венец терновый... (Л.)
Себе придать желая блеск фальшивый,
Старательно взбиваешь волоса
На голове, давно полуплешивой? (Н.)
Загадку жизни несчастливой -
Я полюбил, дикарь ревнивый... (Н.)
Усни, страдалец терпеливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою... (Н.)

- л -

Сокрой от памяти унылой
Разлуки страшный приговор!..
Пускай услышу голос милый. (П.)
Ты будешь принужден взложить и шлем тяжелый,
И грозный меч хранить близ лиры оробелой. (П.)
То по кровле обветшалой
Вдруг соломой зашумит,

То, как путник запоздалый,
К нам в окошко застучит. (П.)
И выстраданный стих, пронзительно-унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой... (П.)
В царском доме пир веселый;
Речь гостей хмельна, шумна;
И Нева пальбой тяжелой
Далеко потрясена. (П.)
Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый... (Л.)
... без слов уста
Хотят сказать улыбкой милой -
"Развеселись, мой гость унылый!" (Л.)
... обычай милый
Святая Русь доныне сберегла:
Ко всякому почтенье за могилой -
Ведь мертвый нам не может сделать зла! (Н.)
Не рыбацкий парус малый,
Корабли мне снятся,
Скучно! в этой жизни вялой
Дни так долго длятся. (Н.)

- м -

Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.
Сердиться грех - но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой. (П.)
... Спокойный и угрюмый,
Он, кажется, глядит с презрительною думой. (П.)
Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый... (Л.)
Брови я нахмурил и пошел угрюмый -
"Свидеться сегодня лучше и не думай!.." (Н.)
Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,
Некогда стих мне суровый внушил... (Н.)

- н -

Увижу ль, о друзья! народ неугнетенный...
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря? (П.)
Свободы сеятель пустынный, ...
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя... (П.)
Был шум лесов, иль вихорь буйный,...
Иль шепот речки тихоструйной. (П.)
Склонись ко мне главою нежной,
И да почию безмятежный... (П.)
... Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный. (П.)
... Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,...
Не требуя наград за подвиг благородный. (П.)
... князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальный... (П.)
В этой башне высокой и тесной
Царица Тамара жила:
Прекрасна как ангел небесный... (Л.)
Снега и вихрь зимы холодной,...
И балалайки звук народный... (Л.)
Лишь знает он да бог единый,
Что под спокойною личиной

Тогда происходило в нем. (Л.)
От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный... (Н.)
Словно кипятком ошпаренный,
Я бежал, не слыша ног,
Мимо лавки пивоваренной... (Н.)
В море неги сладострастной
Сердце их погребено;
А меж тем земля ужасный
Пир готовит им давно. (Н.)
И зашумит дремучий бор,
Завоет он, как волк голодный;
И с высоты пустынных гор
Повеет осенью холодной... (Н.)
Теперь гляди на город шумный!...
Несется в толкотне безумной
Блестящих экипажей ряд... (Н.)
Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит. (Н.)

- п -

Дружен был старик с Зацепой,
Он к нему подсел -
Укротить порыв свирепый
В свой черёд хотел... (Н.)

- р -

Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу.
Проснется ли старый,
Мечом уложу. (П.)
На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,
И струей сухой и острой
Набегает холодок. (Н.)

- т -

Замолчал поток сердитый,
И над ним, как снег бела,
Голова с косой размытой,
Колыхаяся всплыла. (Л.)
Я не крушуся о былом,...
Как настоящее оно
Страстями чудными облито,
И вьюгой зла занесено,
Как снегом крест в степи забытый! (Л.)
И тут же сотни куликов
Снуют с оглядкой вороватой;
Все белобрюхи, без хохлов,
А почему ж один хохлатый? (Н.)
Нынче скромен наш клуб именитый,
Редки в нем и не громки пиры.
Где ты, время ухи знаменитой?
Где ты, время безумной игры? (Н.)

Как видим, заинтересовавшие нас рифмующиеся концовки стихотворных строк Пушкина-Лермонтова-Некрасова (количеством иллюстраций мы не поскупились умышленно) убедительно говорят о гораздо большем, чем только заднеязычные, числе согласных, с которыми так или иначе связано в стихах вариантное произношение окончаний им. и вин. падежей ед ч. муж. рода прилагательных, в данном случае - твердого типа. Отсюда сам собой напрашивается еще один проблемный вопрос - а не шире и не глубже ли сидит и распространяется природный источник звучания безударных гласных в названных выше падежных окончаниях. Другими словами, только ли старомосковская произносительная особенность причастна к появлению и влиянию на русскую литературную речь рассматриваемого

орфоэпического варианта? Может быть, стоит вспомнить, что полные формы имен прилагательных образовались от кратких в доисторическую эпоху путем слияния с ними соответствующих тому или иному грамматическому роду местоимений **и, я, е**? В рассматриваемом случае - мужскому роду: новъ+и=новъи, добръ+и=добръи, где **ъ** не что иное как неполный, фонетически ослабленный в безударной позиции, очень краткий, подчеркнем, - "с нечеткой артикуляцией" [2, 96], так называемый глухой гласный звук. А нечеткая и есть такая артикуляция, которая предполагает вариантность.

Неполными и недостаточными окажутся наши доводы-сомнения относительно места и роли старомосковской произносительной нормы в истории русского литературного произношения, если не приведем иллюстраций в свою пользу не из поэтических текстов и вообще не из художественно-литературных и даже не литераторов, а из частных писем неизвестной молодой особы, коренной сельской жительницы Украины первой четверти XIX столетия (сёл Вольного и Михайловки Новомосковского уезда Екатеринославской губернии - ныне Днепропетровской области), помещицы Елены Петровны, урожденной Родзянко, мужу, офицеру, впоследствии генералу, Ивану Яковлевичу фон Шпербергу на фронт боев с армией Наполеона в годы Отечественной войны. Примем к сведению свойственную эпистолярному наследию той поры сентиментальную манеру выражения адресантом чувств и мыслей, обращения к адресату. Как и прежде, расположим цитаты в алфавитной последовательности предшествующих окончанию согласных. В каждом примере окончания для наглядности подчеркнем.

- в -

... он мне прислал... розов**ой** лавр... [3, 29] *
Я уже перешла в новой флигель. [45]

- к -

... ангельск**ой** Друг мой... [17]
... хочу сделать... маленьк**ой** порядок. [19]
Он... в душе русск**ой**. [31]
... Иван вступил... в Черниговск**ой** конноегерьск**ой** полк. [31]
... лесть... всяк**ой** скажет..., а правду..., кто истинно... предан... [80]
... черненьк**ой** Коля, умер. [82]
Жуковской очень усердствует. [23]
... Бардуловск**ой**... пьяница и негодяй... [31]
Желеховск**ой** и доброй Мильфорд... исправны и... усердны. [31]
Биержинськ**ой** с женой тебе почтение изъявляют. [31-32]
Боюсь..., чтобы Навроцк**ой** его не разорил. [75]
Где Натолицк**ой**? [82]

- л -

... вчера цел**ой** день лежала... [15]
... играю... те штучки, которые он, милой, любит. [29]
Петя тоже премил**ой**. [75]

- м -

... обожаем**ой** Друг мой... [17]
... заняла... на сам**ой** короткой срок... [73]

- н -

Узнай, где полк пехотн**ой** полтавской. [17]
... твой верн**ой** друг... [19]
... мы нонишн**ой** год чистого доходу... не получили. [21]
... мой бесподобн**ой** ... [24]
... почтенн**ой** братец ... [24]
... я... тебе истинн**ой** друг и сестра ... [28]
... Господи, дай... благоденственн**ой** мир... [28]
У нас сильн**ой** неурожай... [39]
Он бедн**ой** и последнее потерял в сию войну. [50]
О боже милосердн**ой**, дай нам... мир. [65]
... поблагодари за его родственн**ой** сей нам сделанн**ой** кредит. [67]
О мой единственн**ой** Друг... [75]
... как друг и честн**ой** человек... [80]

- р -

... добр**ой** Вася. [19]
Геройской храбр**ой** дух ваш... [41]
... утешило меня письмо твое... через курьера, котор**ой** оное отдал в Харькове на почту. [59]

---

* Дальше указываем лишь страницу этого издания

Все эти примеры из жизни украинки, которые легко удвоить и даже утроить за счет многократно повторенных ею одних и тех же словоформ, окончательно убеждают в том, что источник употребления окончания **-ой** им. и вин. падежей ед. числа муж. рода прилагательных твердой группы (а заднеязычные **г, к, х** в дописьменный период - наряду с губными **б, в, м, п** и переднеязычной **д -** были только твердыми, то есть не имели соотносительных мягких) следует искать не в старомосковской произносительной норме, а в исторических процессах развития (изменения в лучшую сторону) звукового состава полной формы имен прилагательных на стыке с краткой, где редуцированный глухой гласный **ъ** прошел длительный, далеко не прямолинейный путь преобразования, что более полно и наглядно можно представить на примере того же слова **новый** в таком графическом изображении: новъ+jь - новъи - нов<$^{о}_{ы}$ и -новыи - новый.

ПРИМЕРЫ С ОКОНЧАНИЯМИ -СЯ (-СЬ)

Цитируются они по тем же изданиям классиков русской поэзии XIX столетия, даются двумя группами в последовательности: твердое окончание - мягкое, мягкое - мягкое. Степень сокращения микротекстов, как и прежде, подчинена принципу сохранения смысла, имен - до начальной буквы фамилии.

Твердая - мягкая

Я помню твой восход, знакомое светило,
Над милою страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополи в долинах вознеслись,
Где дремлет нежный мирт и темный кипарис... (П.)
Всё в нем страшно онемело,
Опустились руки вниз,
И в распухнувшее тело
Раки черные впились. (П.)
"Спрос не грех. Прости ты нас", -
Старший молвил, поклонясь, - ... (П.)
Королевич зарыдал
И пошел...
На прекрасную невесту
Посмотреть еще хоть раз.
Вот идет, и поднялась
Перед ним гора крутая... (П.)
... Когда в вечерний час,
Пред образом с тобой заботливо склонясь,
Молитву детскую она тебе шептала... (Л.)
На гордых высотах Ливана
Растет могильный кипарис,
И ветви плюща обвились
Вокруг его прямого стана... (Л.)
Я помню: занавесь взвилась,
Толпа угомонилась -
И ты на сцену в первый раз,
Как светлый день, явилась. (Н.)
Но поднялась тогда тревога
В Париже буйном - и у нас
По-своему отозвалась... (Н.)
... разгорячась,
До грубости свои довел я замечанья
И засиделся сам - ... прощайте! третий час! (Н.)
"Верно ты большой, брат, трус!" -
(Говорит он). "Я дерусь!" - (Н.)
... ты жалкий трус! -
Она кричит вослед -
К ней никогда не возвращусь... (Н.)
И, как ему, - не довелось
Тебе наткнуться на вопрос. (Н.)
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз. (Н.)
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные -
Капуста да с хлебушком квас. (Н.)

"Вглядись, молодица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось? (Н.)
Быстро, бешено неслась
Тройка - и не диво;
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво. (Н.)
Мягкая - мягкая
... Как черная лента, вкруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь. (П.)
Я вас люблю, - хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь! (П.)
Суд наедет, отвечай-ка;
С ним я ввек не разберусь;
Делать нечего; хозяйка,
Дай кафтан: уж поплетусь... (П.)
Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;... (П.)
... увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И вдохновенные в волшебстве состязались. (П.)
Будто медом налилось!
Видны семечки насквозь... (П.)
Толпа угомонилась -
И ты...
Как светлый день, явилась. (Н.)

Статистика обоих случаев такова: твердая - мягкая согласные - 16 пар, мягкая - мягкая - 7. Хотя привлечена лишь небольшая часть поэтических текстов, тем не менее любопытно разложить полученные результаты по авторам: у Пушкина твердое и мягкое звучание фонемы <с`> составляют 4 и 6, у Лермонтова - 2 и 0, у Некрасова - 10 и 1.

Не странно ли, что у петербуржцев число примеров на твердый случай в несколько раз превышает лермонтовское (коренного москвича) - у Пушкина вдвое, у Некрасова даже впятеро? Возможно и здесь не всё так безоговорочно гладко относительно причастности к твердому произношению мягкой фонемы <с`> только старомосковской орфоэпической нормы, как это подано в книге Р.И. Аванесова? Обратимся к иным авторитетам исторической фонетики.

Л.А. Булаховский: "Нынешнее литературное произношение **-ся** как **-са** представляет собою распространение явления, относительно широко известного в диалектах (во владимирских и поволжских говорах), и возникло в таком виде, по всей вероятности, из форм на **-тся, -ться**, где получалось **-ца**, и **-лся**, где **с** ассимилировалось предшествующему **л** (ср. северн. говоры с **-лса**, но мягким **с** в других формах прошедшего времени)" - [4, 204-205].

П.Я. Черных: "Это местоимение (энклитическое местоимение **ся**, что от формы вин. падежа ед. ч. возвратного местоимения **себя** - А.Б.), ставшее потом частицей, при известных условиях (в положении после гласных звуков) сократилось (в течение XVI-XVII вв.) во многих русских говорах, между прочим, в московском. Но эволюция **ся - сь** на этом не кончилась. В связи с сокращением частицы **ся** находится ее отвердение: **моюс, боюс, началос** и пр." - [2, 239].

П.С. Кузнецов: "В части же говоров и, в частности, в московском, имело место отвердение согласного в возвратной частице. Прозношение возвратной частицы с твердым согласным в течение долгого времени было нормой литературного языка. В настоящее время, под влиянием орфографии, всё больше распространяется произношение в этой форме мягкого **с`**" [5, 274].

Эти высказывания, особенно Л.А. Булаховского, содержащее указание на вполне определенные говоры, которым свойственно твердое произношение сегодня общепризнанной мягкой согласной фонемы глагольного постфикса, не только расширяют, но и уточняют наши знания об источниках и нынешних местах действия второго сегодня (после мягкого) ее произносительного варианта. А то что оно и вправду живет в современной русской речи, в том числе художественно-литературной, подсказывают нам такие стихи выдающихся поэтов XX столетия (как и прежде, подаем их в возрастной последовательности авторов - от старшего к младшему):

Еще мерцал вечерний хаос -
Восторг, достигший торжества, -
Но все, что в пурпур облекалось,
Шептало белые слова. (А. Блок)
Ртуть побежала по лесенке вниз,
Снежные хлопья опять понеслись... (В. Инбер)
Прости! Я позже родился,
И в давке этих людных улиц
Мы на полвека разминулись,
А встретились на полчаса. (П. Антокольский)
Каждый день я стою вот здесь, на горе,
И шепчу ему: Отзовись!
Корица в Ханчжоу цветет в октябре,
В октябре поспевает рис. (А. Сурков)
Гром сражений в степях раздавался,
Грохотала команда "Вперед!"
И под звуки "Осеннего вальса"
Проходил девятнадцатый год... (М. Светлов)
Но не минуешь горьких слез,
Которым срок не минул.
Не каждой женщине пришлось
Обнять родного сына. (А. Твардовский)
И вот приходишь, маясь, ты
К селенью за холмом,
Где спят на крышах аисты
Своим пугливым сном. (П. Комаров)
Ольга улыбнулась краем глаз,...
Ладная со стула поднялась,
Руку протянула... (Л. Ошанин)
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась. (К. Симонов)
А дальше, где печаль не улеглась
И, словно тень, мятется по пределам,
Увидел я сиянье темных глаз,
Старинный лик в окладе потускнелом. (С. Наровчатов)

Подытожим сказанное. Русист, читающий на филологическом факультете орфоэпию, не может пройти мимо названного Р.И. Аванесовым "старомосковским" твердого произношения предфлексийных заднеязычных мягких фонем <г`> <к`> <х`> имен прилагательных и структурно адекватных собственных имен существительных-фамилий в им. и вин. падежах ед. числа муж. рода, а также переднеязычной свистящей мягкой фонемы возвратного глагольного постфикса **-ся (-сь).** Не может не только потому, что существование в прошлом и, в известном смысле, настоящем старомосковского (среднерусского говора) произношения - реальный факт, а еще и потому, что исторически сложившееся в Украине отнюдь не близкое старомосковскому речевое окружение, в частности украинско-русское двуязычие, не способствует принятию студентом характеристики этого произношения по-другому, чем только на веру. Иными словами, преподавателю нужны вполне определенные речевые факты, а их нет, ибо не было в старину ни звукозаписывающих устройств, ни специальных, транскрипционных знаков, как не было и самого лингвистического раздела - орфоэпии. Чудом же сохранившиеся в грамзаписи образцы старомосковского произношения устами замечательных мастеров сценической речи, артистов московских театров, и в первую очередь Малого академического, настолько обветшали от времени использования, что служить эффективным техническим средством обучения уже не могут, а новых или хотя бы реставрированных не выпускают. Остается одно - рифма, поскольку во все времена поэты стремились к наиболее близкому созвучию рифмующихся концовок стихотворных строк. И если пушкинский персонаж Сальери хвалился Моцарту тем, что "поверяет алгеброй гармонию" своих музыкальных сочинений, то почему бы нам не поверить рифмой орфоэпию?!

Многочисленные иллюстрации рифмующихся концовок стихотворных строк; примеры не связанного с рифмой употребления окончания **-ой**, особенно нерусскими - литературными героями Лермонтова черкешенкой и литвинкой, а также коренной сельской жительницей Украины первой четверти XIX столетия в частных письмах; наконец, прямой намек на произношение окончания **-ой** в случаях, когда ему предшествуют не только заднеязычные **г, к, х**, но и переднеязычные и губные согласные - всё это говорит о том, что ответ на поднятый в статье вопрос об истинном источнике появления вышерассмотренных произносительных вариантов нуждается в коррекции поглубже и пошире

немудреной констатации только старомосковского их природно-территориального начала, что оспаривают, как мы видели, сами речевые факты и весьма компетентные авторы учебников истории древнерусского языка.

Легко понять и разделить благодарный порыв способного к лингвистике, русистике в частности, выходца из Нагорного Карабаха, признательного Москве за хлеб-соль, университет и счастливую путевку в большой плодотворный мир науки. Да и серьезного греха в названии этих, альтернативных, произносительных вариантов "старомосковскими" нет: в силу столичного статуса Москвы на протяжении многих сотен лет иного на русское литературное произношение влияния и быть не могло. Как тут ни вспомнить, что именно среднерусский умеренно акающий говор заодно с Москвой одарили общенациональную русскую речь такими качествами, которые позволили многим свободно владевшим несколькими иностранными языками великим деятелям культуры единогласно признать русский одним из наиболее красивых и благозвучных языков мира. Такому говору, как, впрочем, и всякому иному источнику, так или иначе питавшему и продолжающему питать общенациональный язык в разные поры его становления, развития и нескончаемого усовершенствования, приписки не нужны, а нужна только правда, игнорировать которую - все равно что пренебрегать историей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. - 5-е изд. - М.: Просвещение, 1972.
2. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. - М.: Учпедгиз, 1952.
3. "Пишу тебе, мой ангельской Друг..." (Из эпистолярного наследия начала XIX века)// Серия "Старожитності південної України". Составили: С.В. Абросимова, А.В. Бойко. - Запорожье. - РА "Тандем-У", 1997.
4. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. - Киев: Радянська школа, 1950.
5. Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Издательство Московского университета, 1953.